

© 1992 г. БАРАНОВ А. Н., КРЕЙДЛИН Г. Е.

## ИЛЛОКУТИВНОЕ ВЫНУЖДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ДИАЛОГА

### 1. Постановка задачи

«Только в диалоге в полной мере обнаруживается сущность языка», — утверждал М. Хайдеггер [1]. Развитие теоретических представлений о строении и функционировании языковой системы в последние десятилетия с несомненностью подтверждает мнение Хайдеггера. Диалог, будучи одной из форм существования языка, является едва ли не важнейшей областью проявления языковых закономерностей. Отличие диалога от других сфер функционирования языка заключается прежде всего в сложной картине взаимодействия интенций коммуникантов. Нормальный ход диалога предполагает согласование иллокутивных намерений участников, которое заключается в удовлетворении их взаимных претензий. Участвуя в диалоге, мы и сами вынуждены выполнять разнообразные речевые и неречевые действия и заставляем партнера реагировать на них определенным образом. Каждое такое речевое и неречевое вынуждение получает ответную реакцию со стороны другого участника (ср. у М. Бахтина представление о смене речевых субъектов и о выполнении взаимных обязательств участников как об основной особенности диалога в сравнении с монологом [2, с. 251, 255]). Комплекс взаимных реакций участников образует сложную структуру, которая может быть задана в виде системы правил (ср. одну из попыток построения такой системы в работе [3]).

Однако ни формальное описание взаимодействия в диалоге, ни построение лингвистических моделей каких-то его фрагментов заведомо не достижимо, если достаточно четко не определен набор исходных единиц и не выявлено их строение. Новейшие исследования в теории диалога дают основание предполагать, что выделение исходных единиц во многом зависит от целей и задач анализа. В частности, для лингвистического описания взаимодействия в диалоге естественно выделить в качестве базовой такую единицу, которая отражала бы коммуникативную деятельность всех его участников на некотором минимальном отрезке общения. Мы называем это важнейшее понятие теории диалога «минимальной диалогической единицей».

Механизмы речевого взаимодействия тесно связаны с конкретными формами диалога. Последние же зависят от целого ряда факторов: от тематики общения, состава участников коммуникации, их социальных ролей, намерений, представлений партнеров друг о друге, знаний о мире, ценностных ориентаций и т. д. На начальном этапе работы разумно остановиться на наиболее простой форме диалога с двумя участниками ситуации общения. При этом приходится пренебрегать такими «возмущающими» факторами, как социальный статус говорящих, их фоновые знания и представления о мире, аксиологические установки. Конечно, в идеальном случае хотелось бы анализировать реально протекающий диалог во всех его проявлениях, в том числе и невербальных. Однако, к сожалению, мы не располагаем сколько-нибудь значительным фондом записей диалогических

текстов, очищенных от разговорных наслоений, речевых сбоев и прочих посторонних шумов<sup>1</sup>, поэтому материалом работы послужили тексты пьес, а также диалоги, представленные в других типах художественных произведений. Разумеется мы ограничились анализом «нормальных» текстов, оставив в стороне абсурдные диалоги, имитации диалогов и языковые игры.

Текст диалогов в пьесах обладает целым рядом особенностей, на которых мы остановимся чуть ниже, однако основные утверждения о лингвистической структуре литературно обработанных диалогов безусловно могут быть перенесены и на живой диалог. Более того, не исключено, что литературно обработанный диалог непосредственно соответствует так называемому каноническому диалогу, под которым имеется в виду текст, восстанавливаемый самими коммуникантами в процессе восприятия и осмысления обработки получаемых речевых сообщений (игнорирование неточностей и сбоев в речи, элиминация шумов и т. п.) [6].

Мы начинаем изучение речевого взаимодействия с построения определения минимальной диалогической единицы (МДЕ). Это определение строится в несколько этапов. Сначала вводится понятие иллокутивного вынуждения, которое формирует внутреннюю структуру МДЕ. Затем рассматриваются некоторые противопоставления, задающие типы иллокутивного вынуждения. Иллокутивное вынуждение связывает речевые акты в реальном диалоге, и последние в силу этого получают новые содержательные характеристики, отражающие их функционирование в естественной языковой коммуникации. Имеются в виду пары категорий — зависимый vs. независимый речевой акт и абсолютно зависимый vs. абсолютно независимый речевой акт.

Все эти категории и отношения лежат в основе понятия МДЕ. Совокупность различных МДЕ вместе с их связями в тексте образуют статическую иллокутивную структуру диалога, подобно тому, как единицы блок-схемы алгоритма вместе со своими структурными связями являются компонентами статического описания алгоритма. Очевидно, однако, что структура пьесы заведомо не может быть представлена на языке одних только МДЕ. Не говоря уже о том, что в пьесе обычно участвует более двух персонажей, в ней содержится авторский комментарий, без учета которого моделирование сколь угодно глубокого понимания пьесы оказывается невозможным. Автор не только определяет прагматические переменные диалога (место, время действия, предварительный ввод персонажей — т. е. те параметры, которые объединены в принятом в западной нарратологии термине «сеттинг» [7]), но и уточняет вербальные реплики персонажей (ср. комментарий *он замолчал, с гневом, запинаясь*), описывает невербальное поведение говорящих (ср. *он кивнул, отходит в сторону, появляется в углу сцены*), поясняет свои интенции, замысел или ход пьесы (вспомним хотя бы фрагмент пролога в «Обыкновенном чуде» Е. Шварца: «Начинается наша сказка просто. Один волшебник женился, оступился и занялся хозяйством... И вот вязался он в любовную историю... И все запуталось, перевернулось — и наконец распуталось — так неожиданно, что сам волшебник, привыкший к чудесам, и тот всплеснул руками от удивления. Горем все окончилось для влюбленных или счастьем — узнаете вы в самом конце сказки») <sup>2</sup>. Таким образом, представление иллокутивной структуры диа-

<sup>1</sup> Заметим, что в зарубежных проектах по изучению диалога широко используются видеозаписи, что позволяет сопоставлять речевые и неречевые действия коммуникантов. При этом банки записей легко доступны любому пользователю (ср. опыт исследований Бирмингемской школы [4, 5]).

<sup>2</sup> Исследованию функций ремарок в тексте пьесы была посвящена работа А. А. Реформатского [8]. Последователи А. А. Реформатского особое внимание обращали на разработку типологии ремарок как в содержательном, так и в формальном аспектах [9].

лога в виде системы минимальных диалогических единиц является известной идеализацией.

Некоторые языковые выражения в тексте диалога служат показателями границ МДЕ (ее начала или конца). В этом смысле роль этих выражений в диалоге может быть охарактеризована как метатекстовая, аналогичная той, которую берут на себя в монологе другие элементы (ср. описание А. Вежбицкой слов *во-первых, во-вторых, с одной стороны, с другой стороны*, характеризующих последовательность обсуждения проблем и маркирующих переход от одной темы к другой [10]). Выявление и анализ всех метаязыковых единиц, обслуживающих диалог (возможно, наряду с другими типами текстов), представляет собой отдельную лингвистическую задачу.

## 2. Иллокутивное вынуждение и самовынуждение

**2.0. Исходные понятия.** Зафиксируем некоторые важные понятия теории диалога, которые обычно принято считать элементарными. Это в первую очередь категория речевого высказывания, или реплики. Всякая реплика как коммуникативная единица имеет содержательную и формальную стороны. С содержательной точки зрения речевое высказывание включает в себя пропозициональную (собственно смысловую) и иллокутивную составляющие (иллокутивную функцию). Типу иллокутивной функции высказывания соответствует определенный речевой акт (утверждение, вопрос, побуждение и т. п.), сфера функционирования которого задается специфическими условиями успешности [11, 12]. Формальная сторона реплики — это ее фонетическая, морфологическая и синтаксическая структуры.

Как уже говорилось ранее, мы рассматриваем диалоги лишь с двумя участниками. В зависимости от типов речевых актов, используемых в конкретном такте диалога, эти участники могут получать разные, но соотносимые друг с другом наименования (говорящий vs. слушающий, спрашивающий vs. отвечающий и т. п.). Поскольку диалог, как правило, характеризуется постоянной сменой ролей участников, введем обобщающие названия для речевых партнеров, не связанные с конкретными типами речевых актов, — **адресант и адресат**.

Подавляющее большинство работ по лингвистическому описанию речевого взаимодействия в диалоге так или иначе опиралось на анализ конкретных речевых актов, выраженных в репликах собеседников, т. е. изучались пары реплик типа «вопрос-ответ», «просьба-согласие или отказ», «приветствие-ответное приветствие» и т. п. При этом оставалось без внимания то общее, что объединяет все эти конкретные типы взаимодействий и является конституирующим для диалога как такового. Между тем выявление подобного инварианта представляет особый интерес. Дело в том, что только отвлекаясь от иллокутивных особенностей частных диалогов, можно определить минимальную диалогическую единицу. В свою очередь без ее выделения невозможно, как нам кажется, формально описать многие аспекты коммуникативного взаимодействия партнеров — а именно, те, которые в силу принимаемых теоретических предпосылок (ориентации не на диалог вообще, а на его конкретные типы) не изучались ни в теории речевых актов, ни в теории диалога.

**2.1. Иллокутивное вынуждение. Независимый и зависимый речевые акты.** Исследователю, приступающему к изучению диалога, сразу бросаются в глаза многочисленные связи отдельных реплик друг с другом. В качестве формальной экспликации одной из таких связей мы предлагаем термин «иллокутивное вынуждение», т. е. будем говорить, что одна реплика (или соответствующий ей речевой акт) и л л о к у т и в н о в ы н у ж д

дает другую (или другой речевой акт)<sup>3</sup>. Этот термин мы предпочитаем другим, отдавая дань русской филологической, и прежде всего литературоведческой, традиции, в которой диалог рассматривается как система взаимных обязательств участников и их выполнение (ср. работы М. Бахтина, Ю. Тынянова, В. Шкловского, Л. Щербы, Л. Якубинского)<sup>4</sup>. Кроме того, сама внутренняя форма вводимого термина подсказывает основную особенность диалога — динамический характер речевого взаимодействия, который в полной мере не может отразить ни одно статическое описание (ср. представление диалога как разворачивающегося процесса осуществления вынуждаемых действий у Дж. Остина [11, с. 37, 46]). Речевые акты, связанные в данном речевом контексте отношением иллокутивного вынуждения, мы будем называть, соответственно, иллокутивно независимым и иллокутивно зависимым. Другими словами, иллокутивно независимый речевой акт (в данном отрезке диалога) — это речевой акт, иллокутивное назначение которого на данном шаге определяется исключительно интенциями самого говорящего, а иллокутивно зависимый речевой акт (в данном отрезке диалога) — это речевой акт, иллокутивное назначение которого всецело определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики (из данного речевого отрезка). Соответственно, можно говорить об иллокутивно независимой и иллокутивно зависимой репликах<sup>5</sup>.

Рассмотрим пример из пьесы А. С. Грибоедова «Студент»: *«Иван: Кого вам надобно-с? Беневольский: Я уже отвечал на этот вопрос неоднократно <...> так называемоу швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дома. Иван: Барина самого? Беневольский: Да, да, барина твоего <...>. Ведь это дом его? Иван: Его-с»*. Первая реплика Ивана — вопросительная по форме — независима, а ответ Беневольского является иллокутивно зависимым. Без удовлетворения коммуникативных претензий Ивана, передаваемых семантикой вопроса, действие пьесы не получило бы дальнейшего развития. Что касается второй реплики Ивана, то, хотя ее пропозициональное содержание несомненно связано со словами Беневольского, в иллокутивном смысле она независима: Иван был свободен в выборе конкретного типа речевого акта, предшествующая реплика вовсе не вынуждала его прибегнуть именно к вопросу для выражения своих коммуникативных намерений. Таким образом, второй вопрос Ивана — это независимая реплика, вынуждающая ответ.

Связь между независимым и зависимым речевыми актами и особенности ее проявления определяются разнообразными факторами. Прежде всего — это конструктивные характеристики диалога. Структура диалога опирается на отношение иллокутивного вынуждения, подобно тому как структура предложения формируется на основе синтаксических связей. Между тем иллокутивное вынуждение не тождественно синтаксической связи. Если такая связь, как, скажем, синтаксическая зависимость, основывается исключительно на категориальных свойствах языковых единиц, то вынуждение, действуя на пространстве речевых актов, формируется не только под влиянием иллокутивной функции речевых высказываний, но и находится под воздействием общих законов функционирования диалога. К последним, в частности, принадлежат социально обусловленные законы — известные максимы Грайса [14] и принцип вежливости Ли-

<sup>3</sup> Речь идет о качественной характеристике связи, а не о количественной: сила вынуждения может быть самой разной — от сильной до весьма слабой.

<sup>4</sup> Иллокутивное вынуждение — это одно из проявлений законов сцепления, действующих на пространстве диалога. Ср. термин «законы сцепления» и изучение их действия в художественном произведении у В. Шкловского [13].

<sup>5</sup> В дальнейшем, говоря о независимых и зависимых речевых актах (репликах), мы будем иметь в виду иллокутивную зависимость.

ча [15], а также универсальные психологические закономерности, определяемые свойствами речевого раздражения как такового (известно, например, что речевое раздражение с необходимостью влечет за собой ответное реагирование). Эта, так сказать, психологическая вынужденность нередко сочетается с вынужденностью иного рода — обязательностью появления ответной реакции в некоторых типах ситуации общения. Так, довольно четко различаются ситуации контактного и дистантного диалогов. Дистантный диалог осложнен возможностью сбоев в канале передачи информации: при трансляции по телефону цифровых знаков от адресата требуется повторение каждой записываемой цифры или группы цифр. Если повторения по каким-либо причинам не происходит, то адресант, как правило, настаивает на нем. Появление ответных реакций могут вынуждать и некоторые социально клишированные ситуации общения — безразлично, контактного или дистантного диалогов. Обязательное реагирование предполагает воинский приказ; официант ресторана, принимающий заказ от клиента, также этикетно обязан повторять за клиентом слова заказа; наконец, приветствие, не получившее ответного отклика, создает конфликтную ситуацию.

**З а м е ч а н и е (А).** На самом деле отношение иллокутивного вынуждения может связывать друг с другом не только речевые действия, но и речевые с неречевыми. Однако здесь мы сознательно упрощаем определения, ограничиваясь лишь речевыми действиями.

Отдельно упомянем интересную проблему соотношения вынуждающей речевой реплики со значимым отсутствием какой бы то ни было — вербальной или невербальной — реакции со стороны адресата, ср. характерную реплику начальствующего лица *Передай Николаю Николаевичу, чтобы зашел ко мне в кабинет (Выходит)*. При формальном представлении этого текста следует, на наш взгляд, отразить тот факт, что перед нами минимальный диалог с реализованным отношением иллокутивного вынуждения. В качестве формального средства, фиксирующего значимое отсутствие реплики адресата, мы предлагаем ввести нулевую лексему, выражающую согласие или фатический сигнал, что информация принята к сведению. Эта нулевая лексема входит в одну парадигму со словами *так, хорошо, ладно, понял, есть* и подобными, выступающими в функции ответных реакций. Заметим попутно, что негативная реакция со стороны адресата всегда бывает материально выраженной.

Введенные противопоставления имеют смысл только в рамках диалога, поскольку отношение иллокутивного вынуждения — это характеристика речевого взаимодействия двух (и более) лиц. Приведем пример диалога, состоящего из двух реплик, первая из которых передает независимый речевой акт, а вторая — зависимый речевой акт (такие реплики можно было бы назвать иллокутивно вынуждающей и иллокутивно вынуждаемой, соответственно): *„Вы — писатели?“ — в свою очередь спросила гражданка. „Безусловно“, — с достоинством ответил Корovieв»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

**2.2. Иллокутивное вынуждение vs. «стимул-реакция».** Отношение иллокутивного вынуждения, хотя и стоит близко, но не совпадает с выделяемым в теории диалога и лежащим в иной — психологической — плоскости отношением типа «стимул-реакция» (см. [4, 16]). Кроме того, с формальной точки зрения реплика-стимул, побуждающая ответную речевую реакцию, может отсутствовать в данном речевом отрезке и даже во всем диалоге и тем самым не выражать независимый речевой акт. Ср. запись живого диалога: — *Здравствуйте, профессор.* — *Добрый вечер.* — *Я вот, хотел вам возразить на ваше утверждение, вчера которое сделали.* Последняя реплика в нем, конечно, является реакцией, но выражает независимый речевой акт. На реплику-стимул здесь имеется лишь намерение в виде отсылки. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что в нормальном случае реплика-стимул является вынуждающей, а реакция — вынуждаемой.

В ы н у ж д е н и е ч л. с а м о в ы н у ж д е н и е. Отношение иллюкутивного вынуждения следует также отличать от отношения иллюкутивного с а м о в ы н у ж д е н и я. В него входят две реплики данного речевого отрезка диалога, принадлежащие одному и тому же участнику, и такие, что вторая вынуждается первой. Так, в речи одного из персонажей современной пьесы О. Кучкиной *Чего я вам скажу... Я сейчас в магазине была. Народ там толпится, палтус привезли* две последние фразы непосредственно связаны с первой отношением вынуждения (обещание предполагает выполнение). А поскольку все эти реплики принадлежат одному человеку, то данная связь есть не что иное, как отношение самовынуждения. Вообще реплика участника диалога, которая вызывает его же комментарий для уточнения ее иллюкутивной силы, является самовынуждающей репликой (а комментарий — самовынуждаемой). Ср. следующее развертывание приведенного речевого отрезка в той же пьесе: *Зачем это я палтус-то брать буду? У меня и денег таких нет*<sup>6</sup>.

В ряде социально маркированных ситуаций принято употреблять жестко фиксированные этикетные формулы, состоящие из нескольких речевых актов, связанных отношением самовынуждения. Примером такой ситуации может, в частности, служить конвенциональный, этикетно обусловленный вход присяжных или народных заседателей в зал суда. Эта ситуация оформляется посредством языкового клише — последовательности реплик *Встать! Суд идет!*, которые связаны отношением самовынуждения.

Еще один интересный пример диалогов, в которых усматривается отношение иллюкутивного самовынуждения, дают расчлененные ответные реплики особого типа, ср.: — *Скажи немедленно, кто тебе вчера звонил?* — *Так и быть, скажу. Татьяна.* Семантическое содержание ответа здесь оказывается распределенным по двум репликам. В первой, факультативной, эксплицируется реакция на побудительную часть высказывания адресата (*Скажи немедленно*). Этот смысл представляет собой часть условия успешности речевого акта ответа — «отвечающий намерен сообщить спрашивающему требуемую информацию». Вторая реплика является непосредственной реакцией на вопросительную часть того же высказывания и вынуждается как самим вопросом, так и первой ответной репликой.

Функциональные особенности отношений вынуждения и самовынуждения можно продемонстрировать на примере коммуникативно неудачных диалогов. Рассмотрим сначала, что произойдет, если не реализовано отношение вынуждения. Так, если на вопрос не последовало ответа, то это означает, что со стороны спрашивающего была попытка начать диалог, которая по каким-то причинам (возможно, не только внутренним, но и внешним, в частности, из-за помех канала передачи информации) осталась без внимания. (Ср. тезис Дж. Остина о необходимости выполнения речевых процедур всеми участниками полностью. В противном случае диалог прерывается: «Например, попытка заключить пари с помощью высказывания *Держу пари на шесть пенсов* останется бесплодной, если вы не ответите *Идет!* или еще что-нибудь в этом роде» [11, с. 46]). Принцип кооперации должен был бы заставить адресанта в той или иной форме повторить свою попытку завязать диалог или принять меры к устранению обнаруженных препятствий. Мы не вправе предъявить свои обвинения

<sup>6</sup> Заметим, что иллюкутивному вынуждению здесь сопутствует семантическая каузальная связь реплик. Это обстоятельство еще более усиливает необходимость отвечать на свой вопрос. Ср. у М. Бахтина: «Очень часто говорящий (или пишущий) в пределах своего высказывания ставит вопросы, сам на них отвечает, возражает себе самому и сам же свои возражения опровергает и т. п. Но эти явления не что иное, как условное разыгрывание речевого общения...» [2, с. 251].

в некооперативности адресату, если не предприняли повторной попытки установить вербальный контакт, ср. характерные выражения-стимуляторы контакта *Еще раз повторяю / Сколько можно повторять. Ты меня слышишь?, Оглох что ли?*

С иным перлокутивным эффектом мы сталкиваемся в случае невыполнения отношения иллокутивного самовынуждения. Здесь возможны по крайней мере два случая.

Если самовынуждающая реплика принадлежит лицу, вроде бы пытающемуся начать диалог или очередную его порцию, то в случае отсутствия самовынуждаемой реплики начала диалога так и не последовало. Это похоже на то, как если бы говорящий не заполнил валентности во фразе *Я бы взял...*, которая ощущается неполной и грамматически неправильной (в отличие от законченной и правильной реплики *Я бы взял*). В качестве наиболее вероятного перлокутивного эффекта тут можно ожидать недоумение, удивление странным поведением партнера, а вовсе не обиду. В таких ситуациях вполне естественно услышать реплики типа *Ну, (так) что же ты?, И что же?, Ну* — побуждающие к продолжению диалога (ср. одну из максим вежливости «начал, так говори»). Если бы в последовательности реплик из уже упомянутой пьесы фраза «Чего я вам скажу...» присутствовала без какого бы то ни было продолжения (речевого или неречевого), то эта заявка на вступление в новый такт диалога осталась бы нереализованной<sup>7</sup>.

Если же самовынуждающая реплика принадлежит адресату (ср. *Скажи немедленно, кто тебе вчера звонил? — Так и быть. Скажу*), то невыполнение взятых им речевых обязательств может сразу повлечь отрицательную реакцию. Дело в том, что здесь оказываются нереализованными сразу два отношения — и отношение вынуждения, вводимое вопросом-побуждением, и отношение самовынуждения, вводимое фразой *Так и быть, скажу*. Отрицательная реакция является следствием попытки адресанта завязать диалог, а также не имевшим никакого продолжения обязательством со стороны адресата принять в нем участие.

Заметим, что в рассматриваемых нами текстах вынуждение и самовынуждение могут быть реализованы в виде авторских ремарок. Так, в приведенной ранее ситуации, происходящей в зале суда, если автор хочет описать ее в форме диалога, то ему следует дать свой авторский комментарий в виде ремарки типа *Все встают*, которой в актуальной ситуации отвечает соответствующее действие со стороны адресата. Тем самым окажется выполненным отношение иллокутивного вынуждения.

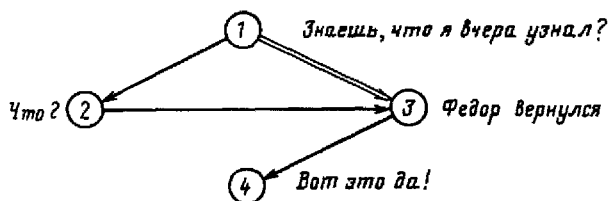
Невыполнение отношений иллокутивного вынуждения и самовынуждения не следует путать с нестандартными речевыми реакциями на вынуждающую реплику типа непрямого или неинформативного ответа на вопрос. Последние часто функционируют в качестве вынуждаемой реплики в абсолютно правильных диалогах, ср.: — *Где вы живете?* — *Адреса не дам, все равно не напишете, только обещаете*.

Одна и та же реплика может одновременно вводить и отношение вынуждения и отношение самовынуждения. В этом случае следует говорить о совмещении в выражении двух разных отношений вынуждения. Например, в диалоге — *Знаешь, что я вчера узнал? — Что? — Федор вернулся. — Вот это да!* первая реплика не только вынуждает ответную (*Что?*), но и фиксирует обязательство инициатора диалога сообщить адресату некоторую новость, тем самым иллокутивно самовынуж-

<sup>7</sup> Эту ситуацию не следует смешивать с ситуацией значимого отсутствия в диалоге ответной реакции, о которой речь шла выше в З а м е ч а н и и А.

дается реплика *Федор вернулся*, которая, в свою очередь, будучи неожиданной, предполагает ответную реакцию. Специфика данного способа выражения отношения иллокутивного самовынуждения состоит не только в том, что оно совмещено в диалоге с отношением вынуждения, но и в том, что самовынуждающая и самовынуждаемая реплики прерываются словами собеседника. Заметим, что инициирующие интеррогативы такого рода нельзя рассматривать как вопросы в точном смысле, поскольку на них ожидается не ответ, а ответная реакция заинтересованности, ср. шеговатость или некоторую невежливость ответа *Не знаю* на первый вопрос рассматриваемого диалога. В то же время вопросы с совмещением различных отношений вынуждения не могут быть отнесены и к риторическим, поскольку они требуют ответной реакции собеседника. Их функция чисто диалогическая — установление контакта и пробуждение заинтересованности партнера по коммуникации. Структура отношений вынуждения и самовынуждения в обсуждаемом диалоге представлена на схеме 1 (двойная стрелка обозначает отношение иллокутивного самовынуждения, а обычная — отношение вынуждения).

Схема 1.



### 3. Понятие минимальной диалогической единицы

**3.0. Диалог и речевой акт.** Вплоть до настоящего момента мы описывали взаимодействие в диалоге, отвлекаясь от конкретных типов речевых актов, вовлеченных в коммуникацию. В теории речевых актов принято рассматривать преимущественно независимые акты вместе с их условиями успешности. Эти условия успешности контекстно свободны и определяются самим актом, т. е. их источник — исключительно его семантика и прагматика. В то же время условия успешности зависимого речевого акта формируются не только на основе его семантики и прагматики, но и испытывают существенное влияние иллокутивного назначения «вынуждающего речевого акта». Иными словами, зависимый речевой акт — это речевой акт, в предварительные условия которого входит информация об осуществлении некоторого независимого речевого акта. Если признавать след за Д. Гордоном и Дж. Лакоффом, что условия успешности всякого речевого акта — это не что иное, как фрагменты семантического разложения соответствующего перформативного глагола с его актантами [17], то следует уточнить, что такая интерпретация применима лишь к независимому речевому акту. Для зависимого акта представление с помощью перформативного глагола наталкивается на определенные трудности. По крайней мере, в европейских языках мало глаголов, близких по смыслу соответствующим зависимым речевым актам. Так, в русском языке есть глагол *обещать*, но нет, например, глагола «выполнять обещание», есть глагол *приказывать*, но нет глагола «реализовать приказ», или «принять приказ к исполнению», есть глагол *настаивать*, но нет глагола, указывающего на реализацию соответствующего действия. Одним из редких исключений является лексема *отвечать*, однако и ее семантическая структура включает семантический актанта, указывающий на вынуждающий

| Тип речевого акта                      | Условия успешности речевого акта                                                                 |                                                                                    |                                                                                                                |
|----------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|                                        | Предварительные и существенные условия                                                           | Условия искренности                                                                | Условие назначения                                                                                             |
| Речевой акт ответа (на обычный вопрос) | 1. Спрашивающий задал вопрос А.<br>2. Отвечающий считает, что спрашивающий не знает ответа на А. | Отвечающий намерен сообщить нужную спрашивающему информацию и считает ее истинной. | Данный акт рассматривается как сообщение информации, нужной спрашивающему и отражающей реальное положение дел. |

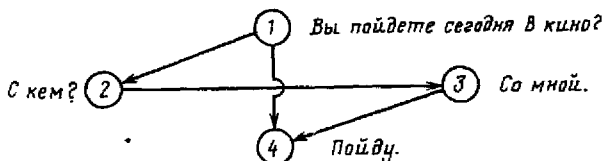
независимый речевой акт. Так, в выражении *А отвечает В на С* переменная *С* обозначает ранее заданный вопрос, тогда как в структурно близком выражении с глаголом, передающим независимый речевой акт — *А обещает В С*, переменной *С* соответствует содержание сообщения, а не имя речевого акта. Иными словами, семантика глагола, обозначающего зависимый речевой акт, содержит анафорическую отсылку к независимому. Если бы в естественном языке для каждого типа зависимого речевого акта нашелся бы описывающий его отдельный перформативный глагол, то определить зависимость одного речевого акта от другого можно было бы проще: речевой акт *В* зависит от речевого акта *А*, если семантическая структура представляющего его перформативного глагола содержит анафорическую отсылку к *А*.

Описание речевых актов вместе с их условиями успешности иногда дается в виде таблицы. Это описание и конкретные формы его реализации (таблицы) должны быть расширены за счет зависимых речевых актов, что уточнит представление о реальном функционировании речевых актов в диалоге. Например, строчка такой таблицы (ср. табличную форму представления иллокутивной семантики в [18]), имеющая вход в виде речевого акта ответа на обычный вопрос, могла бы выглядеть так (см. табл.).

Следует иметь в виду, что для некоторых типов речевых актов (часто особой модальной окраски) первичным является монологическое, а не диалогическое употребление. В этой исходной функции они не несут иллокутивного вынуждения и тем самым противопоставление независимого и зависимого речевого акта для них бессмысленно. К таким речевым актам можно отнести риторический вопрос, выражение общей сентенции или максимы, аналитическое суждение, акты именования и крещения и т. п. Естественно, что в конкретном диалоге исходная монологическая функция этих речевых актов иногда модифицируется: они могут интерпретироваться участниками как диалогические. Например, на вопрос, задуманный как риторический, может неожиданно последовать ответ; более того, ответ может дать сам спрашивающий (реализовав тем самым отношение самовынуждения). Те речевые акты, для которых первичным является функционирование в диалоге, назовем диалогическими в противоположность монологическим, исходно функционирующим в монологе. В дальнейшем мы рассматриваем только диалогические речевые акты, а также монологические речевые акты во вторичной функции.

**3.1. Абсолютно независимый и абсолютно зависимый речевые акты.** Введем еще одно важное противопоставление на множестве речевых актов. Назовем речевой акт иллокутивно абсолютно неза-

Схема 2.



и с и м ы м, если в диалоге нет такой реплики, которая бы его вынуждала. Например, первый речевой акт в диалоге — абсолютно независимый. Будем говорить, что речевой акт и л л о к у т и в н о а б с о л ю т н о з а в и с и м, если в диалоге нет такой реплики, которую он бы иллокутивно вынуждал. Ср.: «Всякое высказывание (— отрезок диалога, по Бахтину. — Б. А., К. Г.) — от короткой (однословной) реплики бытового диалога до большого романа или научного трактата — имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец» [2, с. 250].

Рассмотрим следующий диалог: — *Вы пойдете сегодня в кино?* — *С кем?* — *Со мной.* — *Пойду.* В нем четыре реплики. Первая, по форме вопросительная, является абсолютно независимым речевым актом: в диалоге нет такой реплики, которая бы его вынуждала. Появление вопроса вызвано одними только внутренними намерениями адресанта. Вопросительная форма второй реплики как уточняющего вопроса иллокутивно вынуждается вопросительной формой первой — основного вопроса (см. ранее разбор фрагмента из пьесы Грибоедова). Третья реплика *Со мной*, в свою очередь, иллокутивно зависит от второй и иллокутивно вынуждает последнюю. Дело в том, что присутствие третьей реплики в рассматриваемом диалоге необходимо как ответ на уточняющий второй вопрос, в противном случае его нельзя было бы осмыслить как уточняющий. Кроме того, отсутствие такового препятствует ответу на основной, первый, вопрос. В силу этого последняя реплика является абсолютно зависимой, причем она одновременно вынуждается и предпоследним и первым речевыми актами. Структура отношений иллокутивного вынуждения в рассмотренном диалоге изображена на схеме 2.

Таким образом, противопоставление абсолютно зависимых и независимых речевых актов вводится на пространстве диалога в целом, а оппозиция зависимых и независимых речевых актов определена для конкретного актуального отрезка диалога. Например, в разобранном диалоге реплика *Со мной* в отрезке *С кем?* — *Со мной* является иллокутивно вынуждаемой, а в другом отрезке *Со мной* — *Пойду* — иллокутивно вынуждающей (то же можно сказать и о второй реплике).

Из определения абсолютно независимого (зависимого) речевого акта следует, что он является также просто независимым (зависимым) речевым актом. Обратное, как мы уже видели выше, неверно.

Более сложное соотношение прослеживается между абсолютно независимым речевым актом и стимулом, с одной стороны, и абсолютно зависимым речевым актом и реакцией, с другой. Так, неверно было бы считать, что абсолютно независимый речевой акт — это всегда стимул, ср. начало диалога: — *Настаиваю на вашем отъезде в Англию, сударь!* — *Когда?* Глагол *настаивать* имеет в своей смысловой структуре компонент отсылки к уже высказанному требованию и потому первая реплика диалога является реакцией. В то же время абсолютно зависимый речевой акт уже в силу своего определения оказывается реакцией на одну из предшествующих реплик.

З а м е ч а н и е (Б). Интересным представляется вопрос о связи введенного противопоставления абсолютно независимых и абсолютно зависимых речевых актов с конкретными типами речевых актов, в частности, выяснение того, какие из конкретных речевых актов всегда абсолютно независимы, а какие всегда абсолютно зависимы. Боль-

шая часть известных речевых актов относится к таким, которые могут быть как зависимыми, так и независимыми, как абсолютно зависимыми, так и абсолютно независимыми. Таковы, например, вопрос, совет, обещание, ответ и многие другие, хотя, например, для ответа, настаивания, возражения, выражения согласия и др. более естественно быть зависимым (хотя это и не обязательно) и даже абсолютно зависимым — ведь крайне редко можно встретить диалог, начинающийся с ответа на невысказанный вопрос, с выражения согласия с чем-либо, что никак не представлено в данном диалоге. Между тем есть речевые акты, которые всегда абсолютно независимы, и есть речевые акты, которые всегда абсолютно зависимы. К первым относятся инициальные приветствия, военные команды, акты привлечения внимания к сообщению и др. Ко вторым принадлежат финальные приветствия, языковое выражение окончания некоторых ритуальных процедур и отдельные социально маркированные случаи выражения благодарности, которыми автоматически завершается диалог (ср. неуместность реакции *Пожалуйста* на выражение благодарности *Спасибо за внимание* в конце академического доклада). Вспомним, что Дж. Остин отмечал возможность перехода от использования слов в роли финальных маркеров к перформативному употреблению. Например, слову *конец* в конце романа соответствует выражение *Сообщение закончено* в конце радиопередачи или выражению *Сим я завершаю свое выступление*, сказанному адвокатом в конце прений сторон на судебном заседании [11, с. 65].

**3.2. Понятие минимальной диалогической единицы.** Теперь на основе введенных понятий попробуем дать определение минимальной диалогической единицы, при этом мы хотим построить его так, чтобы оно отражало совместный речевой вклад в диалог партнеров по коммуникации и не было привязано к конкретным типам речевых актов, отражая то общее, что есть во всех речевых взаимодействиях участников диалога. Минимальная диалогическая единица, или минимальный диалог — это последовательность реплик двух участников диалога — адресанта и адресата — характеризующаяся следующими особенностями:

- (i) все реплики в ней связаны единой темой;
- (ii) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом;
- (iii) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены;
- (iv) внутри данной последовательности не существует отличной от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям (i) — (iii).

Комментарии к определению:

1) Условия (i) — (iii) обеспечивают статус этой последовательности реплик как диалогической единицы, а условие (iv) отражает ее минимальность.

2) Определение МДЕ сознательно построено нами таким образом, что оно оставляет известную свободу в членении текста на минимальные диалоги (впрочем, оно не оставляет места и для полного произвола). Такая относительная свобода, во-первых, соответствует интуитивным представлениям о нежестком характере границ МДЕ. Во-вторых, в ее пользу говорит сходная ситуация, возникающая при расстановке синтаксических связей в пределах предложения. Как в том, так и в другом случае при неединственности решения выбор определяется дополнительными факторами иной природы по сравнению с рассматриваемыми, а нередко и чисто условными соглашениями.

Впрочем, задачу построения формального определения МДЕ следует отделить от другой задачи — от разработки процедуры членения текста на минимальные диалоги. Установление границ МДЕ в каждом конкретном случае может зависеть от многих, даже не относящихся к внутреннему устройству текста, характеристик — таких, как тип решаемой прикладной задачи, ориентация на компьютер или на человека, особенности обрабатываемого материала. «Свободным» диалогам противопоставлены диалогические речевые жанры с жестко фиксированной структурой илло-

кутивных вынуждений и самовынуждений. Таковы интервью, анкетирование, политические дебаты и др.

Неоднозначность определения границ минимального диалога прежде всего связана с двумя моментами. Во-первых, признаем ли мы в неочевидных случаях иллокутивную доминацию одной реплики над другой, и, во-вторых, приписываем ли мы признак единства темы кандидатам в МДЕ. В ситуации неоднозначности важным дополнительным соображением в пользу отнесения рассматриваемой последовательности реплик к одной МДЕ следует считать возможность приписать речевым актам в ней тип иллокутивной функции из некоторого заданного заранее репертуара. Так, в проанализированном выше диалоге — *Вы пойдете сегодня в кино? — С кем? — Со мной.* — *Пойду* можно было бы не усматривать иллокутивное вынуждение между предпоследней и последней репликами, и тогда последовательность — *С кем? — Со мной* удовлетворяла бы определению МДЕ. Последнее, однако, противоречило бы интерпретации вопроса *С кем?* как уточняющего. Ведь разумно считать, что в условиях успешности уточняющего вопроса входит отсылка к основному, а в условиях успешности ответа на уточняющий вопрос — отсылка к ответу на основной, что предполагает наличие соответствующих иллокутивных связей в диалоге. В этом смысле правильнее было бы говорить о разных типах иллокутивных актов — простой вопрос, уточняющий вопрос, вопрос-недоумение и др., а также простой ответ, ответ на уточняющий вопрос и т. п.

Если мы хотим сохранить отвечающую языковой интуиции интерпретацию той же последовательности реплик как содержащей уточняющий вопрос с ответом на него, то мы должны восстановить все оправдывающие это решение иллокутивные вынуждения и самовынуждения, а в качестве МДЕ выделить весь диалог в целом; последняя реплика в нем замыкает отношение иллокутивного вынуждения, индуцированное как основным вопросом, так и ответом на уточняющий вопрос.

Что же касается единства темы реплик, входящих в МДЕ, то оно составляет органический признак ее целостности как отдельной единицы и зачастую воплощается в виде своей предметно-смысловой исчерпанности или законченности. Эта исчерпанность различна для разных сфер диалога. Она может быть полной в некоторых сферах быта (ср. вопросы фактического характера и такие же ответы на них), в области военных и производственных команд, где диалоги максимально стандартизированы и творческий момент почти отсутствует. Напротив, как показал М. Бахтин, в творческих сферах возможна лишь относительная предметно-смысловая исчерпанность. Однако (что для нас весьма существенно) становясь темой минимального диалога, объективная неисчерпаемость предмета получает известную завершенность и законченность, ср. [2, с. 255, 256].

3) Поскольку определение МДЕ базируется на отношении иллокутивного вынуждения, обуславливающего наличие по крайней мере одной пары реплик, минимальное число реплик в составе МДЕ равно двум.

4) Принципиальным моментом является открытость верхней границы числа реплик в составе минимального диалога. В целом ряде исследований по теории диалога [19—22] эта верхняя граница задается и, в частности, может совпадать с нижней. Фиксация точного числа реплик в описаниях МДЕ, содержащихся в перечисленных работах, не случайна и детерминирована исследовательской установкой на рассмотрение не речевых актов вообще, а их конкретных представителей и природой анализируемого языкового материала. Например, формальное отличие обычных вопросов от так называемых экзаменационных связано не только с различием их условий успешности, но и (в общем случае) с наличием третьей реплики в ситуации экзаменационного вопроса, выражающей отноше-

ние к ответу адресата. Абстрагирование от частных речевых актов позволяет обобщить понятие МДЕ для диалогов любой природы, а вопрос о количестве реплик, входящих в МДЕ, решать в каждом конкретном случае отдельно. В частности, в составе диалога можно встретить довольно длинные МДЕ: « — Будет лучше, если Лили останется у меня. — Зачем? — удивился Метти. — Она мне нужна. — Зачем? — переспросил Метти. — Я уже вам ответил. Она мне нужна. Я стану следить, чтобы она исправно посещала школу» (Дж. Олдридж).

Инициальная реплика представляет собой оценочное суждение, иллюкутивно предполагающее указания причин («почему будет лучше») и целей («зачем Лили должна остаться у адресанта»). Их неясность и вызывает (вынуждает) вопрос Метти. Неинформативность третьей реплики-ответа (немотивированность цели — по-прежнему остается неясным, для чего Лили должна остаться) вынуждает переспрос. И только финальная реплика завершает текст, речевые высказывания которого составляют единую МДЕ.

В какой степени введенный теоретический конструкт — МДЕ — соответствует интуитивному представлению о минимальности и законченности диалога? Рассмотрим ряд примеров, оценивая их с точки зрения минимальности и законченности.

- (1) — *Кем ты хочешь стать, Кит?*  
— *Хочу работать в газете* (Дж. Олдридж).
- (2) — *Что хотел сказать Гоголь этими словами?*  
— *Гоголь здесь пытался раскрыть жадность Собакевича.*  
— *Хорошо* (Запись диалога на уроке литературы).
- (3) — *Второй первой любви не бывает.*  
— *Я это знаю. Но хотела бы сама разобраться в себе* (А. Битов).
- (4) — *Принеси другую лампу.*  
— *Какую?*  
— *Ту, что висела в прошлый раз у тебя в комнате* (Запись диалога из телеспектакля).

Очевидно, что при разнообразии тем диалогов и способов их языкового оформления каждый из них воспринимается как единый законченный текст на свою тему и притом минимальный. Эту минимальность можно пояснить, применяя к диалогу операцию последовательного усечения. На поверхностном уровне такое усечение предстает как отбрасывание отдельных реплик диалога. С содержательной же точки зрения происходит локальное нарушение структуры отношений вынуждения и самовывнуждения. Априори здесь имеются две возможности — в зависимости от степени обязательности (сильной или слабой) языкового выражения вторых членов этих отношений. В обоих случаях в результате усечения мы приходим к прагматической неправомерности диалога, однако в первом случае эта неправомерность устраняется лишь вербализацией второго члена, а во втором — его языковое выражение не является обязательным. Отметим, что по этому признаку пары конкретных речевых актов, внутренние связанных между собой отношением иллюкутивного вынуждения (типа «вопрос-ответ», «просьба-согласие/отказ», «обвинение-оправдание» и др.), отчетливо различаются. Так, ответ иллюкутивно связан с вопросом сильнее, чем, например, обещание и принятие обещания к сведению, а команда и ее выполнение связаны сильнее, чем жалоба и выражение сочувствия. Это означает, что в прагматически правильном диалоге ответ на вопрос, как правило, вербализован, а реакция на жалобу может быть чисто фатической (покачивание головой, междометные реплики, служащие лишь для поддержания контакта, и пр.).

Очевидно, что начинать усечение следует с финальной реплики. Инициальная реплика вообще не может редуцироваться, поскольку без нее

диалога нет, а промежуточные реплики интуитивно воспринимаются как менее подверженные усечению, чем последние. Начнем с первого диалога:

(1) ... → (1') — *Кем ты хочешь стать, Кит?*

Вопрос (1') выглядит как неполный текст или как незамкнутый вопрос [23]. Иллокутивная сила вопроса вынуждает заполнение валентности оператора вопроса, которая тем не менее в данном примере остается незаполненной, т. е. диалог не получился. Более сложным для анализа является диалог (2). Проведем усечение:

(2) ... → (2') — *Что хотел сказать Гоголь этими словами? — Гоголь здесь пытался раскрыть жадность Собакевича.*

Здесь редукция третьей, финальной реплики (редукция второй реплики дает очевидно аномальный результат) приводит хотя и к правильному со всех точек зрения диалогу, но относящемуся к совершенно иному прагматическому типу, т. е. от экзаменационного диалога мы переходим к обычному. Казалось бы, нарушено условие (iv) определения МДЕ: ведь мы нашли подпоследовательность реплик, которая, на первый взгляд, и есть МДЕ в данном отрезке диалога. Однако это нарушение кажущееся, условие (iv) выполнено, поскольку ответная реплика в диалоге о Гоголе не является абсолютно зависимым речевым актом. Она является носителем, первым членом отношения иллокутивного вынуждения между нею и репликой *Хорошо*, т. е. в подпоследовательности реплик (2'), взятой относительно (2), остается незамкнутым отношение иллокутивного вынуждения. Иное дело, диалог (2'), рассматриваемый безотносительно к (2). В нем, в отличие от последовательности (2'), омонимичной части (2), лишь одно отношение иллокутивного вынуждения. Этот пример показывает, сколь важным оказывается различие диалога с его структурой отношений вынуждения и самовынуждения и омонимичной ему подпоследовательности реплик в составе другого диалога.

Диалог (3) отличается от первых двух лишь тем, что первая реплика представляет собой утверждение-констатацию. Между тем и она в силу внутренней специфики любого диалога вынуждает ответную реакцию: ее редукция уничтожает диалог.

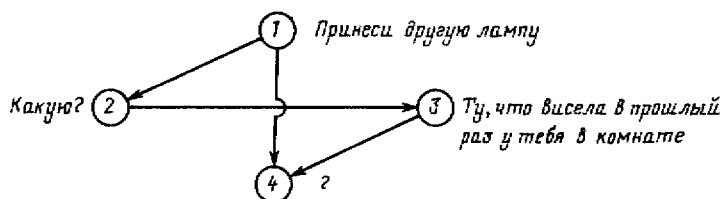
Куда более сложным для анализа предстает диалог (4). Отбрасывание третьей реплики очевидно приводит к аномалии. Попробуем теперь выбросить вторую реплику, показывающую, что адресату не ясен референт, о котором идет речь в первой реплике. Фактически диалог разрушается, мы получаем одну реплику-просьбу, ср. (4').

(4) ... → (4') — *Принеси другую лампу. Ту, что висела в прошлый раз у тебя в комнате.*

Коль скоро данная просьба, как и всякая просьба вообще, предполагает реальное осуществление, формальное выражение согласия или же отказ в ее осуществлении, то опять-таки имеет место невыполнение отношения иллокутивного вынуждения. Иными словами, перед нами случай, близкий к (1').

Означает ли, однако, что приведенная в (4) последовательность реплик есть МДЕ? Чтобы ответить на этот вопрос, представим все отношения вынуждения между репликами диалога (4) в явном виде на схеме 3.

Схема 3



Из схемы 3 мы видим, что одного члена отношения не хватает: акт просьбы не получил вербального отклика. В соответствии с *З а м е ч а н и е м А* (см. выше) значимое отсутствие должно получить формальное выражение в виде нулевой реплики со значением согласия. Таким образом, для нахождения МДЕ в реальном тексте необходим катализ — восстановление всех членов отношений иллокутивного вынуждения и самовынуждения. Соответственно, анализ следовало бы начинать не с последовательности (4), а с модифицированного диалога (4'), отличающегося от последовательности (4) наличием нулевой реплики. И тогда именно с нее нужно было бы начать операцию усечения, что привело бы к подпоследовательности реплик (4), не являющейся по нашему определению МДЕ.

Приведем еще примеры фрагментов диалогов из пьес, которые по тем или иным причинам не составляют МДЕ в нашем смысле. Впрочем, и интуитивно их не хочется считать минимальными диалогическими структурами. Следующие ниже четыре сконструированных диалога иллюстрируют нарушение условий объединения реплик в одну МДЕ.

(i) *Н а р у ш е н и е у с л о в и я « о б щ е й т е м ы ».*

(5) *Татьяна Петровна: С нервами совсем плохо, все время боюсь сорваться.*

*Василий Васильевич: Тогда я спрошу у вас напрямую. Почему вы так странно одеты?*

(ii) *Н а р у ш е н и е у с л о в и я « ф о р м а л ь н о й к о н т е к с т н о й н е з а в и с и м о с т и М Д Е »* (первая речевая реплика не является абсолютно независимой; т. е. не выполняется отношение иллокутивного самовынуждения).

(6) *Нина Петровна: Понимаете?*

*Ира: А чего же непонятного! То есть нет, не понимаю.*

Очевидно, что в диалоге (6) отношение вынуждения, индуцированное вопросом Нины Петровны, выполнено в ответе Иры. Между тем реплика Нины Петровны не является иллокутивно (как, впрочем, и семантически) абсолютно независимой. На это, во-первых, указывает сама языковая форма первой реплики: вопрос *Понимаете?* может возникнуть только после предварительного речевого акта с иллокутивной силой утверждения (который в данном примере отсутствует). Также ведут себя и вопросы-уточнения типа *Ну и что?*, *Что с того?*, *Откуда вы это взяли?*, *С чего это вдруг?*. Во-вторых, об этом свидетельствует прагматический контекст приведенного обмена репликами. Рассмотрим минимальное расширение примера (6):

(6') *Нина Петровна: У меня очень сложная ситуация: дело в том, что у меня есть дочь, а у дочери — дочь. Понимаете?*

*Ира: А чего же непонятного! То есть нет, не понимаю.*

Этот диалогический текст уже удовлетворяет определению МДЕ: все реплики связаны здесь общей темой, первая фраза Нины Петровны (рассказ о ее жизненных затруднениях) — абсолютно независимый речевой акт, вызванный одними только ее намерениями; заключительная реплика Иры очевидным образом абсолютно зависима. Все отношения вынуждения, а также условие минимальности выполнены. Здесь важно, что вынуждаемая реплика *Понимаете?* «замыкается» вместе с первой репликой Нины Петровны, реализуя незамкнутое в диалоге (6) отношение иллокутивного самовынуждения.

#### 4. Заключение

В заключение еще раз подчеркнем, что введенные понятия являются, на наш взгляд, необходимым инструментом описания структуры речевых взаимодействий в диалоге. Они позволяют представить диалогический текст в виде связанной структуры минимальных единиц, формирующих статическую иллокутивную структуру диалога. Тем самым реплики в составе минимальных диалогов связаны не только семантически и синтаксически, но и прежде всего иллокутивно. В качестве возможного формального аналога такой связи были предложены понятия иллокутивного вынуждения и иллокутивного самовынуждения. Их универсальный характер, не зависящий от природы конкретных диалогических текстов, позволил не только описать внутреннее устройство минимальных диалогов, но и определить их границы. В свою очередь это дает возможность поставить вопрос о наличии формальных показателей начала и конца МДЕ, а также выделить конкретные лексические типы таких показателей. В их семантике в максимальной степени отражено речевое взаимодействие между участниками диалога. Авторы надеются посвятить описанию таких единиц отдельную работу.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heidegger M. Being and time. N. Y., 1982. P. 264.
2. Бахтин М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Heritage J. Recent developments in conversational analysis // Warwick working papers in sociology. Coventry, 1984.
4. Sinclair J. McN., Coulthard M. Towards an analysis of discourse: the English used by teachers and pupils. L., 1975.
5. Studies in discourse analysis / Ed by Coulthard M., Montgomery M. L., 1981.
6. Laver J. The production of speech // New horizons in linguistics / Ed by Lyons J. Harmondsworth, 1970.
7. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
8. Реформатский А. А. (при участии Купанского М. М.). Техническая редакция книги: Теория и методика работы. М., 1933.
9. Пеньковский А. Б., Шевченко Б. С. Типы и терминология ремарок // Культура речи на сцене и на экране. М., 1986.
10. Везжица А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М., 1978.
11. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986.
12. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986.
13. Шкловский В. Тетива. М., 1983.
14. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.
15. Leech G. N. Principles of pragmatics. L.; N. Y., 1983.
16. Stubbs M. Motivating analysis of exchange structure // Studies in discourse analysis / Ed by Coulthard M., Montgomery M. L., 1981.
17. Гордон Д., Лакофф Д. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Прагматика. М., 1985.
18. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
19. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
20. Крейдлин Г. Е., Разилина Е. В. Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом какой // ИАН СЛЯ. 1984. № 5.
21. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // ИАН СЛЯ. 1982. № 4.
22. Беллани Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981.